

УДК 902:94(38)

МОДЕЛЬ МИНОЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ АРТУРА ЭВАНСА И МИФ О МИРНЫХ МИНОЙЦАХ

Кравцов Д.А.

В статье проанализировано соотношение между моделью минойской экспансии Артура Эванса и позднейшим образом минойцев как миролюбивого народа. Особое внимание уделено тому, как Эванс объяснял отсутствие укреплений на Крите, распространение минойской культуры за пределы острова, минойское присутствие на материковой Греции и смысл формулы Pax Minoica. Показано, что у Эванса представление о внутреннем расцвете Крита сочеталось с идеей морской державы, колонизации, политического контроля и насилия на периферии. Сделан вывод, что миф о «мирных минойцах» возник не как прямое следствие концепции Эванса, а в ходе ее последующей научной и популярной рецепции.

Ключевые слова: минойская цивилизация, Артур Эванс, Pax Minoica, минойская экспансия, историография, археология, эгейский бронзовый век, рецепция, миф о мирных минойцах.

ARTHUR EVANS'S MODEL OF MINOAN EXPANSION AND THE MYTH OF THE PEACEFUL MINOANS

Kravtsov D.A.

The article analyses the relationship between Arthur Evans's model of Minoan expansion and the later image of the Minoans as peace-loving people. The author pays particular attention to Evans's interpretation of the absence of fortifications on Crete, the spread of Minoan culture beyond the island, the Minoan presence on mainland Greece, and the meaning of Pax Minoica. It is shown that Evans combined the idea of Crete's internal flourishing with the concept of a maritime power, colonization, political control and violence on the periphery. The article concludes that the myth of the "peaceful Minoans" did not emerge as a direct consequence of Evans's concept, but through its later scholarly and popular reception.

Keywords: Minoan civilization, Arthur Evans, Pax Minoica, Minoan expansion, historiography, archaeology, Aegean Bronze Age, reception, myth of the peaceful Minoans.

В историографии и популярной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что именно Эванс создал устойчивый образ миролюбивых минойцев. К этой линии можно отнести статью Честера Старра с характерным названием «Минойские любители цветов» (1984) [19], популярную книгу Родни Каслдена «Минойцы» (1990) [2], биографию Эванса Сэнди Макгилливрея «Минотавр» (2000) [13], а также работу Кэти Гир «Кносс и пророки модернизма» (2009) [10].

Наиболее влиятельной в этой линии стало исследование Честера Старра, в котором автор утверждает, что Эванс имел нежную душу: у него был сад, он любил цветы и хотел, чтобы открытые им минойцы были такими же миролюбивыми и цивилизованными, как он сам. Именно поэтому ученый закрепил в археологии образ миролюбивых минойцев, подчеркивая отсутствие на Крите больших фортификационных сооружений, а также иконографии, которая бы прославляла подвиги правителя на войне и охоте [19, p. 9].

Показательно, что Старр не подкрепляет этот тезис прямой цитатой из Эванса. Между тем для Эванса Крит был, прежде всего, морской державой. Это видно уже по ранним публикациям 1900-1910-х гг. Так, в статье 1901 г. Эванс рассуждал об отсутствии укреплений в Кноссе: «Почему Париж сильно укреплен, а Лондон практически открытый город? <...> город Миноса был центром великой морской державы, и именно на свои "деревянные стены" его правители, должно быть, возлагали свои надежды» [4, p. 122]. Упомянутые Эвансом «деревянные стены» Кносса отсылают к отрывку из седьмой книги Геродота (143), в которой афиняне во время персидского вторжения истолковали оракул о деревянных стенах, которые спасут город, как борты боевых кораблей.

В той же статье Эванс прямо говорит о морской империи Миноса: «Здесь, в своем царском городе Кноссе, правил Минос – или та историческая личность, которая скрывается под этим именем – и основал первую морскую империю Греции, распространив свою власть далеко и широко на эгейские острова и побережья. Афины платили ему человеческую дань юношами и девушками. Его колониальные поселения тянулись на восток и запад вдоль Средиземноморского бассейна, так что Газа почитала критского Зевса, а в западной Сицилии возник минойский город» [4, p. 116].

Вопреки мнению ряда ученых [15, p. 23-24], после Первой мировой войны Эванс не изменил своего мнения о минойцах и не «умиротворил» их. Напротив, в главном труде Эванса – четырехтомном «Дворце Миноса» (1921-1935) – его диффузионистские и панминойские взгляды получили наиболее завершенную форму. Здесь колонизация и завоевание становятся основными способами, с помощью которых Эванс объяснял распространение минойской культуры за пределами Крита. Это видно по нескольким фрагментам «Дворца Миноса».

В одном из таких фрагментов Эванс рассуждает о признаках «запустения» Кносса и перемещения части состоятельного населения за пределы острова. Эванс связывает эти процессы с усилением минойского присутствия на материковой Греции. «В какой бы мере Морей [то есть Пелопоннес] и соседние области по ту сторону залива ни находились в минойских руках в предшествующую эпоху, уходящую глубоко в среднеминойский III период, едва ли многие археологи стали бы отрицать, что к концу первой фазы позднеминойского периода свидетельства интенсивного занятия этих областей со стороны минойского Крита становятся почти повсеместными». Культура материка с этого времени выглядит, по его словам, «подавляюще минойской», а термин «микенский» становится допустимым лишь позднее, когда к концу позднеминойского I периода начинают проявляться провинциальные различия [7, p. 626].

В этеокритской традиции, как считал Эванс, падение Миноса и истощение острова были связаны с сицилийской экспедицией. Но сам он подчеркивал, что основной причиной запустения Крита все же было «интенсивное колониальное движение» в сторону Греции [7, p. 627].

В другом фрагменте «Дворца Миноса» Эванс рассуждает о микенских вазах местного производства, стилистически воспроизводящих минойские образцы. По его мнению, по всей материковой Греции, находившейся в ту пору под сильным влиянием минойской культуры, декоративные мотивы на сосудах повторяли критский репертуар. Причем на материке они появились уже в разработанной форме, без признаков независимого местного становления. Эванс не находит другого объяснения этому явлению, кроме как «массового внедрения минойских типов [сосудов] руками минойских гончаров на гребне самой настоящей волны завоеваний» [9, p. 283].

Эванс рассматривал появление линейного письма Б в Тиринфе, Микенах, Фивах и Орхомене как распространение кносской системы письма, отражавшей развитие бюрократических методов жрецов-царей. По мысли Эванса, соответствующий язык и письменная система должны были распространяться не только при дворах, но и среди обычных жителей Пелопоннеса, значительной части Северной Греции, а также за Коринфским заливом. Отсюда он заключал, что по крайней мере до XIV в. до н.э. в Микенах и Фивах правили минойские династы. За исключением отдельных новшеств, культура материка, как и язык, оставалась «минойской до самого основания» [9, p. 754-755].

Как следует из приведенных отрывков, Эванс не представлял минойцев пацифистским народом. С одной стороны, в его трудах они часто предстают как высокоцивилизованные, молодые, длинноволосые, увешанные драгоценностями любители цветов и природы; с другой – как опытные воины, которые имели даже более темную, кровожадную сторону. Так, прыжки через быков были, по утверждению Эванса, жестоким видом спорта, в котором «порабощенных варваров "убивали, чтобы устроить римский праздник"» [3, p.

95-96]. Иначе говоря, минойцы действительно любили природу и красоту, но это никак не делало их мирным народом.

Николетта Момильяно доказывает, что модель минойской империи Эванса лучше понимать по аналогии с *Pax Romana* – как определенный исторический порядок, при котором мир в центре державы совместим с войной на периферии [15, р. 27-30]. Выражение *Pax Minoica* появляется у Эванса поздно: дважды во втором томе «Дворца Миноса» 1928 г. и один раз в третьем томе 1930 г. [7, р. 79, 270; 8, р. 6]. Для Эванса *Pax Minoica* была тесно связана с «золотым веком» минойской цивилизации, который он датировал среднеминойским III – позднеминойским IA периодом. В этот период Крит, по его мнению, не только переживал внутренний расцвет, но и активно распространял свое влияние за пределы острова. Минойцы несли в Эгеиду и дальше (на Кипр, в Ливию и другие области) культуру более высокого порядка [7, р. 654, 756]. Однако это распространение не сводилось к торговле, но включало в себя политический контроль и военную силу.

Римская аналогия была важна и для сюжета упадка минойской цивилизации. Внешнее завоевание и переселение ослабили сам остров. Минойская империя оказалась чрезмерно расширена и уязвима. Сначала последовало падение Кносса, потом перенос «центра тяжести» на материк и окончательная гибель минойской цивилизации около 1200 г. до н.э. от рук греческих завоевателей («варваров») с севера [5, р. 278; 6, р. 28; 7, р. 345-346, 627]. Но культурная сила побежденной цивилизации возобладала: «*Creta capta ferum victorem cepit*» [5, р. 278]. Крит, подобно Греции у Горация, «пленил своего дикого поработителя». Поэтому даже после политического краха минойская цивилизация продолжала действовать как источник культурного влияния.

Но если Эванс не был создателем мифа о мирных минойцах, то откуда он возник? Ошибка части позднейших интерпретаций заключалась в том, что они выводили весь образ минойского пацифизма от Эванса. Такое объяснение понятно: Эванс занимал почти монопольное положение в ранних минойских

исследованиях, а значит, многие позднейшие представления о Крите автоматически приписывались ему. Но в данном случае механизм был сложнее. Некоторые формулировки Эванса действительно легко вырывались из контекста: прежде всего об отсутствии укреплений в Кноссе и дворце как «мирной обители жрецов-царей». Однако в обоих случаях смысл у него был иным. Открытость Кносса объяснялась не пацифизмом, а морской защитой: «деревянными стенами», то есть флотом [4, р. 122]. А фраза о «мирной обители» уже в ближайших строках соседствовала с признанием минойской талассократии и о том, что «иго более цивилизованного правителя» – то есть минойского «жреца-царя» – могло быть тяжелым для подчиненных народов [6, р. 2].

Поэтому истоки представления о миролюбивых минойцах следует искать не только у Эванса. В создании и распространении образа минойского Крита участвовали и другие авторы, причем не только в академической среде.

Важную роль здесь сыграл Соломон Рейнах. Он не только рекламировал критские открытия в парижской прессе, но и включил главу об «эгейском, минойском и микенском искусстве» в свой популярный труд «Аполлон», выдержавший много изданий и переизданий [17, р. 31-37]. Рейнах закреплял за минойским искусством те черты, которые затем легко превращались в клише: его современность, утонченность, натурализм, любовь к движению. Он противопоставлял минойское искусство «холодной элегантности» Египта и особенно Ассирии: если ассирийское искусство выражает идею силы, то минойское, по его формулировке, выражает идею жизни [18, р. 30-36]. Эта характеристика не обязательно предполагала пацифизм минойцев, но она сместила акцент в их восприятии с власти и войны к жизнелюбию, движению и эстетической свободе.

До Первой мировой войны, однако, этот образ еще не стал общепринятым. И специалисты, и неспециалисты обычно признавали, что минойская материальная культура дает достаточно оснований говорить об оружии, войнах и насилии. Показательно, что даже «Ваза жнецов» из Аяа

Триады в начале XX в. именовалась «Вазой воинов» [1, p. 124; 16, p. 166-168]. Даже отсутствие больших батальных сцен не превращало минойцев в пацифистов. Если речь и заходила о мире на Крите или Эгееде, то он понимался как временное состояние, обеспеченное морским господством, а не как выражение природного пацифизма [14, p. 67]. Заметным исключением стала Харриет Хоуз, поддержанная своим мужем Чарльзом Хоузом. В книге о Гурнии и популярном труде «Крит: предшественник Греции» (1909) она подчеркивала мирный характер минойцев и превращала эвансовское завоевание материка в «мирное вторжение» художников и ремесленников [11; 12, p. 36, 147].

После Первой мировой войны образ миролюбивости минойцев закреплялся в текстах, рассчитанных на широкую аудиторию. Так, вышеупомянутая «Крит: предшественник Греции» была значительно доступнее, чем «Дворец Миноса», и пережила несколько переизданий между 1909 и 1922 г. Большим спросом у публики также пользовались универсальные истории. В первом «Очерке истории» (1920) Герберт Уэллс писал о тысячелетнем мире на Крите: остров был защищен от вторжений, торговал с цивилизованным миром и потому мог развивать искусства и удобства жизни. Тем не менее, Уэллс относился к минойцам достаточно прохладно, а ахейцев изображал как «здоровый варварский народ», который, в конце концов, отомстил критянам за насильственную торговлю и похищение юношей и девушек в рабство [21, p. 215-216].

Еще сильнее на межвоенное восприятие минойцев повлиял Освальд Шпенглер. В «Закате Европы» Шпенглер тоже противопоставлял минойцев здоровым, северным, варварским и воинственным микенцам. Во втором томе его знаменитого труда минойцы предстают как восточные народы, избалованные роскошью, заинтересованные только в торговле, в то время как гордые и более воинственные микенские «варвары» явно «заслуживали» завоевания минойских «мирных островов» [20, S. 101-103].

Представление о миролюбии как о врожденном качестве минойцев (зачастую рассматриваемом как неотъемлемая расовая черта, иногда как

связанная с их предполагаемым матриархатом) все больше утверждалось в межвоенный период и последующие десятилетия, особенно по мере того, как подъем расовых теорий (арийства) способствовал почти манихейскому противопоставлению между минойцами и микенцами. Микенцы в общественном сознании представляли как воинственные и патриархальные индоевропейцы, тогда как минойцы изображались более восточными (или, по крайней мере, неарийскими), женственными и миролюбивыми [14].

Таким образом, модель минойской экспансии Артура Эванса не отрицает насилие как средство распространения культуры. Напротив, в ряде случаев именно колонизация и завоевание являются основными механизмами построения критской империи. Эванс не был создателем мифа о мирных минойцах, однако противоречивость его повествования могла выступить фактором, способствовавшим появлению и распространению образа минойцев в более широкой публичной сфере. Рецепция минойцев происходила не изолированно, а в особом культурном и интеллектуальном контексте, который подталкивал авторов к бинарному противопоставлению минойцев и микенцев. В популярной литературе и межвоенной рецепции модель Эванса приобрела черты мирного и «позитивного» культурного влияния. Такое изменение во взглядах важно учитывать, потому что вместо анализа разных форм контакта, власти и зависимости возникает риск заранее интерпретировать это присутствие как мирное распространение культуры.

Список литературы:

1. Baikie J. *The Sea-Kings of Crete*. London: A. and C. Black, 1910. 280 p.
2. Castleden R. *Minoans: Life in Bronze Age Crete*. London; New York: Routledge, 1990. XI, 210, [12] p.
3. Evans A. *The Palace of Knossos: Provisional report of the excavations for the Year 1901* // *The Annual of the British School at Athens*. 1900-1901. Vol. 7. P. 1-120.

4. Evans A. The palace of Minos // *The Monthly Review*. 1901. Vol. 6. P. 115-132.
5. Evans A. The Minoan and Mycenaean element in Hellenic life // *The Journal of Hellenic Studies*. 1912. Vol. 32. P. 277-297.
6. Evans A. The palace of Minos: A comparative account of the successive stages of the Early Cretan Civilization as illustrated by the discoveries at Knossos. Vol. 1. London: Macmillan, 1921. 721, [22] p.
7. Evans A. The Palace of Minos: A comparative account of the successive stages of the Early Cretan Civilization as illustrated by the discoveries at Knossos. Vol. 2. Pt. 1-2. London: Macmillan, 1928. XXIV, 390, [VIII] p.
8. Evans A. The Palace of Minos: A comparative account of the successive stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the discoveries at Knossos. Vol. 3. London: Macmillan, 1930. XXIV, 525, [XXVI] p.
9. Evans A. The Palace of Minos: A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the discoveries at Knossos. Vol. 4. Pt. 1-2. London: Macmillan and Co., Ltd., 1935. XXV+XVI, 378+1018, XII+XIX p.
10. Gere C. Knossos and the prophets of Modernism. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2009. X, 277 p.
11. Hawes H.B., Williams B.E., Seager R.B., Hall E.H. Gournia, Vasiliki and other prehistoric sites on the isthmus of Hierapetra, Crete: Excavations of the Wells-Houston-Cramp expeditions, 1901, 1903, 1904. Philadelphia: The American Exploration Society, 1908. 60, [XXVI] p.
12. Hawes C.H., Hawes H.B. Crete: The forerunner of Greece. London; New York: Harper and Brothers, 1909. XIV, 163 p.
13. MacGillivray J. Minotaur: Sir Arthur Evans and the archaeology of the Minoan Myth. New York: Hill and Wang, 2000. VIII, 373 p.
14. Momigliano N. In search of the Labyrinth: The cultural legacy of Minoan Crete. London; New York: Bloomsbury Academic, 2020. XVI, 362 p.

15. Momigliano N. War and Peace: Sir Arthur Evans, the Great War, and the Pax Minoica // Pax Minoica Revisited: New Research on Arthur Evans' Concept of the Political Expansion of Minoan Crete / Ed. by N. Marinatos, F. Blakolmer, L. Platon. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2025. P. 23-34.
16. Mosso A. Escursioni nel Mediterraneo e gli scavi di Creta. Milano: Fratelli Treves, 1907. 290 p.
17. Reinach S. Apollo: histoire générale des arts plastiques professée en 1902-1903 à l'École du Louvre. 2e éd. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1904. XI, 336 p.
18. Reinach S. Apollo: an illustrated manual of the history of art throughout the Ages / Transl. from the French by F. Simmonds. New ed., rev. by the author. London: W. Heinemann; New York: C. Scribner's Sons, 1907. XVI, 351 p.
19. Starr C. Minoan Flower Lovers // The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality: Proceedings of the Third International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 31 May – 5 June 1982 / ed. by R. Hägg, N. Marinatos. Stockholm: Svenska institutet i Athen, 1984. P. 9-12.
20. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1: Gestalt und Wirklichkeit. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1920. XI, 557 S.
21. Wells H.G. The Outline of History: Being a Plan History of Life and Mankind. Vol. 1. New York: Macmillan Co., 1920. P. 215-216.

Сведения об авторе:

Кравцов Даниил Александрович – магистрант кафедры истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Kravtsov Daniil Aleksandrovich – master's degree student of Department of History of Ancient Greece and Rome, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: kravtsovdan913@yandex.ru.